

На все нужно время

Елена Неvejeина: «Для каждой работы я выбираю тот путь, который считаю верным»

Григорий Заславский

– Вот вышла премьера "Бег". Кто выбирает в таких случаях название? Режиссер приходит к Табакову и говорит: "Мне хочется поставить пьесу "Бег"? Или Табаков, который, как известно, знает, что для Московского Художественного театра Булгаков – автор значимый, ищет режиссера и приходит с предложением?

– Я думаю, каждый раз это бывает по-разному. В данном случае я пришла с предложением к Олегу Павловичу поставить "Бег", но поставить именно в его первом театре – в театре, который в народе называется "Табакерка".

– Для тебя сегодня "Табакерка" и МХАТ имени Чехова – это один театральный организм или два разных театра?

– Я думаю, два. Мне кажется, артистов одного и другого сильно бы обижало, если бы их объеди-

няли. Это два театра с разной историей, с разными принципами, с разной даже эстетикой, я бы так сказала. Насколько я понимаю, Олег Павлович исповедует принципы, которые мне очень близки: не надо перетаскивать актеров из одного театра в другой, не надо ломать судьбы людей, перетаскивая их на одну конкретную работу куда-то. Конечно, хорошо, когда есть возможность приглашения на конкретную работу, но по этой же причине потом трудно верстать репертуар. На мой взгляд, в "Табакерке" блистательный мужской состав, есть там и замечательные актрисы. Но именно той, которая мне нужна была для Серафимы, не было, и я не вижу ничего дурного или удивительного в том, что я пригласила Лену Панову, с которой познакомилась на "Преступлении и наказании" и которую я очень люблю.

– Когда критики сегодня пишут про спектакль "Бег",

сравнивают его с фильмом "Бег" Алова и Наумова. Обидное, наверное, сравнение? Когда вы начинали репетировать, вы что-нибудь про фильм говорили?

– Обидного в этом я не вижу. Мне странны разговоры о том, что, если был фильм, значит, пьеса закрыта раз и навсегда, тем более на театральных подмостках. Может быть, кто-то из артистов боялся сравнения, это естественно. Но мы не рассматривали это как большое препятствие в работе. Фильм родился в то время, когда невозможно было не сделать кивок в сторону Красной армии... Я его спокойно посмотрела до начала работы или в процессе работы, даже не помню когда. Я преклоняюсь перед режиссерами, которые его сделали, и замечательными артистами, которые там сыграли. Но я вижу и много недостатков. Очень лихо вымарано определенное количество текста, чтобы свести все к кон-

цепции, которая была нужна. Даже не говоря об исторических вещах, об этой вечной дилемме – кто был прав: красные или белые? – а просто если говорить о человеческих характерах. – Сегодня, когда режиссер берется за такое революционное произведение, батальное полотно, то вопрос, кто виноват, а кто прав, неминуемо встает перед постановщиком. Когда я смотрел спектакль, время от времени у меня в голове всплывала мысль Волошина: "Молюсь за тех и за других".

– Я очень рада, если это чувствуется в спектакле, потому что для меня и, думаю, для всех, кто живет сегодня, этот вопрос очень сложный. Для меня внутренним толчком были замечательные слова, которые стали эпиграфом в книжке Мариэтты Чудаковой о Булгакове. Она посвятила книжку всем родившимся в 19-м столетии. Мне тоже хотелось посвятить спек-

такль нашим бабушкам, дедушкам, прадедушкам и прабабушкам, которые могли оказаться и по ту, и по другую стороны баррикад.

– Когда тебя называют режиссером-традиционалистом, как ты к этому отно-

зывают традиционалистом, меня даже веселит, мне смешно просто, потому что любой человек состоит из многих граней, особенно сегодня. Естественно, я думаю про себя о том, что я хочу делать, в какую сторону поворачивать, что интересно.

Табакков полностью оправдывает звание и принцип «художественного руководителя»

сишься? Для тебя вообще эта проблема самоопределения стоит?

– Стоит, но стоит не в академическом представлении. Я не сижу днями и ночами, думая о том, какой бы традиции быть верной. То, что иногда меня на-

зывают традиционалистом, меня даже веселит, мне смешно просто, потому что любой человек состоит из многих граней, особенно сегодня. Естественно, я думаю про себя о том, что я хочу делать, в какую сторону поворачивать, что интересно.

– Кстати, ты совсем перестала ставить современную дра-

матургию. Поставила вот в Омске «Любовь как милитаризм», а теперь все чаще – классику.

– Я очень хочу сделать современную пьесу. Я ее ищу и буду обязательно делать. Но другое дело, что, наверное, я это буду делать по-другому, чем это делает Кирилл. Он делает это безумно талантливо, но я буду делать по-другому. Скучно же будет, если мы все будем работать одинаково, в одной стилистике.

– А трудно ли сочетать режиссерскую профессию и вообще работу в театре с материнскими заботами? Вот у тебя родилась дочка, ей нужно уделять какое-то время, ее нужно воспитывать. А ты дни напролет проводишь на репетициях...

– Да, выпустила премьеру, хотя моей Анне только 23 февраля исполнится два года. Сочетается трудно, как у всех работающих мам. Тем не менее я всегда пытаюсь поставить на ее место себя,

и понимаю, что когда она подрастет и сможет как-то участвовать в моих творческих делах, она меня поймет, даже если ей не хватает внимания.

– Табаков – художественный руководитель. В прежние годы художественный руководитель обыкновенно подключался на последних стадиях к спектаклю, и его имя стояло даже первой строчкой. Как складываются отношения с Табаковым? Это отношения коллег, учителя и ученицы?

– Олег Павлович – мудрый и опытный художественный руководитель. Он оправдывает это название – "художественное руководство". Не художественное вмешательство, или покровительство, или учительство, а именно художественное руководство и поддержка. За это я ему страшно благодарна. В обеих моих последних работах он очень меня поддерживал, иногда просто по-человечески. ■

Независимая газ. - 2003. - 17 фев. - с. 7.